

Василий Верещагин

Реализм

Василий Васильевич Верещагин

Реализм

Аннотация

«Реализм – реализм! Как часто повторяется это слово и, однако, как редко, по-видимому, употребляется оно с полным пониманием его значения!..»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Василий Верещагин

Реализм

I

Реализм – реализм! Как часто повторяется это слово и, однако, как редко, по-видимому, употребляется оно с полным пониманием его значения!

«Что такое, по вашему мнению, реализм?» – спросил я у одной весьма образованной дамы в Берлине, которая много рассуждала о реализме и реалистах в искусстве. Барыня, по-видимому, затруднялась ответить сразу и нашла только сказать, что «реалист – тот, кто воспроизводит вещи реальным образом».

Однако же я утверждаю, что воспроизведение вещей реальным образом не дает еще права данной личности называться реалистом. Для большей наглядности своего мнения приведу следующий пример.

По окончании войны англичан с зулусами между выдающимися английскими художниками не нашлось ни одного, кто бы взял на себя труд передать на полотне эту эпопею, разыгравшуюся между белыми и черными; поэтому англичане должны были обратиться к одному весьма даровитому французскому художнику. Ему дали денег и объясни-

ли, что мундиры и оружие английских солдат были такие-то и такие, а одежда зулусов – или то, что представляло собой их одежду, – была такая-то. Затем очевидцы, присутствовавшие во время военных стычек, рассказали этому французскому художнику, из чего состоял фон в каждом отдельном сражении, по всей вероятности, дополняя свои рассказы фотографическими снимками. Вооружившись этими сведениями, художник приступил к работе, не имея лично ни малейшего понятия ни о стране, которую взялся воспроизвести, ни о типах, ни об особенностях, ни о нравах и привычках зулусского племени. Художник очень смело выполнил свой труд и написал несколько ярких картин, на которых мы видели: массу людей, нападающих на врага, – защищающихся; множество мертвых и раненых; много крови; много дыму от пороха и все тому подобные вещи, но тем не менее в этих картинах полное отсутствие главной сущности предмета: в них вы не найдете ни англичан, ни зулусов. Вместо первых – перед нами французы, одетые в британские мундиры, а вместо зулусов – заурядные парижские натурщики-негры изображенные в разнообразных, более или менее воинственных позах.

Ну, разве же это реализм? Конечно, нет.

Притом большинство художников не дает себе достаточно труда воспроизводить настоящее освещение, при котором на самом деле происходили события, составляющие сюжет их картин. Таким образом, сцены, изображенные на только

что упомянутых картинах, – сцены битв при ослепительном блеске тропического солнца Африки, – написаны при сероватом освещении европейских мастерских. Разумеется, в этом случае не могут быть переданы удачно солнечное освещение и разнообразные характерные эффекты, зависящие от него, так что цель остается недостигнутой.

Итак, есть ли это реализм? Разумеется, нет.

Я иду далее и утверждаю, что в тех случаях, когда существует лишь простое воспроизведение факта или события без всякой идеи, без всякого обобщения, может быть, и найдутся некоторые черты реалистического выполнения, но реализма здесь не будет и тени, т. е. того осмысленного реализма, в основе которого лежат наблюдения и факты – в противоположность идеализму, который основывается на впечатлениях и показаниях, установленных *a priori*.

А теперь спрошу: может ли кто-либо упрекнуть меня в том, что в моих работах нет идеи, нет обобщения? Едва ли.

Может ли кто-либо сказать, что я не забочусь о типах, о костюмах, о пейзажах, составляющих рамку для сцен, изображаемых мною? Что я не изучаю предварительно личностей и обстановку, которые составляют предмет моих картин? Едва ли кто это скажет.

Может ли кто-либо сказать, что у меня какая бы то ни была сцена, имевшая место в действительности при ярком солнечном освещении, была написана при освещении мастерской, – чтобы, например, сцена, происходившая под мороз-

ным небом севера, была воспроизведена мною в теплом замкнутом уголке из четырех стен? Едва ли кто скажет это.

Следовательно, я имею право считать себя представителем реализма, который требует самого строгого обращения со всеми деталями творчества и который не только не исключает идеи, но заключает ее в себе.

Что я не один придерживаюсь такой оценки своих работ, доказывают следующие строки корреспондента американской газеты «Sunday Express», посланные им из Парижа во время последней выставки моих картин в этом городе¹:

«Уважение, оказанное, к известным идеалам в картинах – к идеалам художника, столь чуждого условным правилам парижских художников, каков Верещагин, является желанным признаком отрешения от грубого реализма, который начал вторгаться во французское искусство. Даржанти, критик „Courrier de l'art“, не считает Верещагина „пленительным“ художником, но признает за ним знание и даровитость, заявляя при этом, что с своей стороны он предпочитает тщательно обработанную идею „грубому выражению пошлого реализма“. Он надеется, что реакция близка, и думает, что толпа, „устремившаяся“ на выставку Верещагина, „провозвестила“ наступающую победу идеи».

¹ ...из Парижа во время последней выставки моих картин в этом городе... – В период с 1869 г. Верещагин организовал за границей 30 персональных выставок. В данном случае, вероятно, имеется в виду Парижская выставка 1879 г. – первая персональная выставка русского художника в этом городе. В организации получившей огромный успех выставки принимал активное участие И. С. Тургенев.

Еще замечательнее отзыв лондонского органа «Christian» от 2 декабря 1887 г., мнение это имеет для меня особый интерес вследствие специального направления названной газеты:

«Картины эти принадлежат кисти Верещагина, не уступающего ни одному из современных представителей живописи, что касается до мастерства техники и превосходящего всех художников, когда-либо живших, величием своих нравственных целей и применением своих поучений к сознанию всех, кто только даст себе несколько труда понять его.

Я хочу лишь сказать, что тот, кто упустит случай увидеть эти картины, упустит наилучшую возможность понять век, в который он живет; если девятнадцатое столетие имело когда-либо пророка, то этот пророк есть русский художник Верещагин».

Повторяю: я цитирую эти последние строки главным образом ради их отличительной черты, как мнение, выраженное специальным клерикальным органом, мнение, имеющее еще большее значение ввиду нападок, которыми меня осыпали люди, стремившиеся показать себя более ревностными папистами, чем сам папа.

Реализм не является противником чего-либо такого, что дорого для современного человека, — он не расходится ни со здравым смыслом, ни с наукою, ни с религией! Разве возможно чувствовать что-либо другое, кроме самого глубокого благоговения к учению Христа, касательно Отца и Созда-

теля всего существующего, к чудному господству христианской любви?

Правда, мы враги ханжества, всякой, показной, притворной набожности; но разве имеют право осуждать нас за это, раз сам Христос сказал:

«А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны» (Ев. Матф. VI, 7).

Само собою разумеется, мы придаем совершенно иную оценку вещам, которые объяснялись не так несколько веков назад. Младенчество науки, а следовательно, младенчество представления вселенной может интересовать нас теперь, но отнюдь не руководить нами; на пороге двадцатого столетия мы не можем допустить, что небеса населены святыми и ангелами; что в недрах земли обитают черти, на обязанности коих лежит поджаривание грешников мира. Мы отказываемся также понимать в буквальном смысле древнюю идею о награде за добрые дела и идею мучений на медленном огне как наказание за злые дела.

В качестве художников мы не отрицаем идеалов прошедших веков и старинных мастеров. Наоборот, мы отводим им почетное место в истории искусства; но мы отказываемся подражать им по той простой причине, что все хорошо в свое время и что реализм одного столетия уже носит в себе зачатки идеализма следующего за ним века.

Те именно великие художники, которые считаются вели-

кими идеалистами, разве не были великими реалистами в свое время?

Кто осмелится утверждать, что Рафаэль не был реалистом в том веке, когда он жил; что работы его не скандализировали многих из его современников, вкусы которых были воспитаны на образцах предыдущих художников?

А Рубенс, который преступил все границы современно-го приличия в качестве не только художника, но и как мыслитель? Надеюсь, никто не станет подвергать сомнению тот факт, что его мощный, но односторонний гений перемешал типы личностей христианской религии с типами языческой мифологии; что его Бог Отец – то же, что и его Юпитер Олимпийский; что они суть портреты одного и того же краснощекого натурщика; что его Богородица и его Геба – можно даже сказать, его Венера – все это личности одного и того же типа; все они одинаково краснощеки, красивы, самодовольны!

Кто решится отрицать, что Рубенс, населив христианские небеса тяжеловесными, здоровенными, весьма и весьма нескромными барынями и мужланами, перевернул вверх дном все традиции и таким образом явился даровитым мощным реалистом своего времени? Нет сомнения, что он изумил и скандализировал массу своих благочестивых современников.

А Рембрандт! А остальные художники, которые все ныне считаются более или менее идеалистами. Разве каждый

из них не был в свое время представителем реализма, который в наши дни значительно сгладился рукою времени, с одной стороны, и прогрессивным движением нашего самосознания, с другой стороны?

Кому в наше время придет на мысль упрекать этих художников за всю ту смелость, которая, несомненно, приводила в остолбенение их современников? И, однако же, сколько было споров относительно этих художников, сколько копьев было поломано ради них! Оглядываясь назад в настоящее время, все это кажется странным. Но разве это не есть знак того, что ждет в будущем замечательные произведения нашего времени? Произведения эти были также приняты враждебно, провозглашены слишком дерзкими, слишком смелыми, слишком реалистическими, но разве, в свою очередь, они не приобретут прочную силу под влиянием прогрессивного движения мысли и техники? Разве не наступит день, когда неожиданно они очутятся в архивах старых идеалов?

Но нам приходится иметь дело с раздражительными и взыскательными современниками. Вообще считается непростительной дерзостью, совершенно позорным поступком отступление от формул, признанных последовательными поколениями в течение долгих веков. Романистам, художникам, скульпторам, композиторам приходится входить в компромиссы с пошлостью и нелепостью, что неизменно задерживает развитие идеи и техники искусства.

Даже те личности, которые нехотя заявляют, что мы также – «люди мысли», что мы также – «люди с хорошей технической подготовкой», даже эти личности выражают сожаление, что мы изменили традициям старых великих художников; что мы не хотели следовать догматам, освященным рядом великих имен.

Да, истинная правда: мы отличаемся от них во многих отношениях; мы мыслим иначе, мы смелее в своих обобщениях фактов прошедшего, настоящего и будущего; мы даже работаем иначе и переносим на полотно наши впечатления иным способом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.